

(Окончание.
Начало на с. 14—15.)

Однажды показали в спецхране журнала «Крокодил» мой личный каталог, подписанный специально для меня. Вот судьба всех наших каталогов, всех наших премий! Лет десять назад я напечатал в «Московских новостях» маленькую заметку о том, как я все-таки решил выяснить судьбу одной своей турецкой премии. Это уже было достаточно безхозяйственное время послабления. В Министерстве культуры меня допустили до одного шкафа: когда его открыли, со всех полок посыпалось огромное количество коробок с медалями, кубками, призами... Среди этого развала из 200 или 300 коробок я обнаружил свою, лежавшую здесь много лет.

— А сейчас уже порыться нет желания?

— Тогда это было интересно, а сейчас не имеет смысла. Начиная с 1985 года премии стали приходить, нас стали вызывать во Внешторгбанк, просили написать заявление и соглашаться получить премию в пять тысяч долларов русскими рублями в пересчете 0, 42 руб. за доллар. Кто-то соглашался. Я отказывался. Через десять лет Внешторгбанк вернул мне все пять тысяч долларов!

— Ну, а если понимать Ренессанс как прорыв в печать, когда он наступил для вас?

— В марте-апреле 1985-го с приходом Горбачева появился оптимизм. Но уже в мае с этим человеком все стало ясно. Вспомните одну только безалкогольную кампанию. Этим он как бы перечеркнул все мои романтические ожидания. Я никогда не рисовал конкретную политическую карикатуру, ту карикатуру, которая существует во всем мире, реальную, ежедневную — с портретами, лицами, фразами. Я рисовал ассоциативную политическую карикатуру, социальные рисунки, социальные притчи, что ли, рисовал философскую графику. Я старался избегать и цвета, и конкретного упоминания... Но вот во время перестройки меня вызвали в АПН — как и прежде чистенькие — мальчики. Дело было в том, что во время пребывания Михаила Сергеевича, кажется, в Париже произошла весьма неприятная вещь. В эти годы, как вы помните, Михаил Сергеевич преподносил всему миру новый образ социализма с человеческим лицом. Так вот на одной конференции во Франции журналисты сказали Горбачеву, что не верят в программу обновления коммунизма, хотя бы по одной простой причине: в советской прессе нет ни одной карикатуры на главу государства. А для заграничных это и есть показатель присутствия свободы слова, свободы высказывания! Михаил Сергеевич очень серьез-

но этим обеспокоился. Было принято решение нарисовать на Михаила Сергеевича карикатуру. На меня как на ведущего художника пал выбор. Сознательно, что свою первую реальную политическую карикатуру на Михаила Сергеевича нарисовал по подаче КГБ.

— Это называется социальный заказ!

— Да, да, социальный заказ! Хотя меня сразу предупредили: надо нарисовать не так, чтобы очень, и в то же время — нельзя рукоплескать. Я сделал рисунок и получил баснословный для того времени гонорар. Гонорар был двести рублей, совершенно чудовищная сумма! Ведь в то время за рисунки платили двадцать-тридцать рублей. Рисунок был разослан по международной сети АПН, но в советской прессе он... не появился! На нем был изображен Горбачев, который через бедро бросает борцовским приемом огромного медведя, одетого в советскую маршальскую форму и вооруженного до зубов. То есть Михаил Сергеевич борется с военщиной. Дальше началась история серьезная. На самом деле, Горбачев как социальная личность меня очень серьезно трогал. Я не старался на этом зарабатывать, я отстаивал позицию по отношению к нему и его идеологии. В Горбачеве я усмотрел колоссальную опасность. Самое страшное, наверное, было, если бы страна продолжала существовать в коммунистическом режиме, а весь мир думал, что это демократический социализм с человеческим лицом. Естественно, у меня было совершенно другое представление. Мне как раз хотелось выпустить на Западе свою книгу о Горбачеве. С 1987 года я стал ездить за границу и там показывал свои рисунки. Эти рисунки, к сожалению, в западной прессе не публиковались: редакторы газет, журналов не понимали, почему я так зло рисую Михаила Сергеевича. Для них Горбачев был олицетворением всего самого прекрасного, нового, светлого, что только может быть. Он перестраивал весь мир, Советский Союз, уничтожал страну «холодной» войны, ядерной опасности. Для меня же это был враг номер один. Как я себе представляю, он во что бы то ни стало хотел сохранить коммунистические идеалы, замаскировав их антуражем демократических перемен. Для меня это был социальный вызов. У меня не было никаких заказов, никто меня не просил рисовать эту горбачевину. Я с удовольствием

рисовал и рассылал своим приятелям — в Латвию, Эстонию. Именно в этот период я, наверное, больше всего публиковался в своей жизни. Это было очень смешное и веселое время. Один рисунок, нарисованный вчера, назавтра публиковался в 12—16 местах. Потом, когда наступил 1991 год, я получил от всей этой системы, против которой я боролся. Ребята из Латвии и Литвы говорили мне, что я был занесен в «черные» списки нескольких коммунистических партий. Правда, меня спасало то, что они никак не могли меня идентифицировать. Например, в Литве ребята подписывали мои рисунки не «Златковский», а «Златквячус».

У меня, конечно же, была своя собственная моральная и нравственная позиция, поэтому я и откликался на достаточно далекие от карикатуры предложения. Например, Армянский музей национального искусства и современной эстетики предложил мне сделать серию плакатов. Время пришлось на трагические события в Баку. Естественно, я сделал плакаты анти-туркского направления в защиту армян. После этого ко мне приходили черные подметные письма, звонили голоса со специфическим акцентом: «Сколько тебе заплатили? Если не прекратишь этим заниматься, ты будешь уничтожен!» Такая боевая жизнь! Но для меня, конечно, это было немножко еще и игрой. Карикатура в прикладном ее применении — это, наверное, пять-десять процентов моих собственных желаний. Вся жизнь я хотел заниматься, если можно так сказать, отвлеченными вещами. Дело не конкретно в Горбачеве. Дело в идеологии, в этих идеях добра и зла, которые существуют вечно... Потом все кончилось достаточно просто: полным развалом страны, полиграфической системы... Кончился один журнал, второй журнал. Перестала выходить прекрасная газета «Искра», в которую я с удовольствием бесплатно рисовал. Она выходила раз в месяц и раздавалась чуть ли не бесплатно на Пушкинской площади... Выстоять смогли только те издания, которые имели серьезную подпитку, у кого были спонсоры. А у спонсоров — собственная идеология. И рисунки перестали быть нужны. «Острый» рисунок до сих пор не востребован! Вот почему сейчас у нас абсолютно нет «острых» рисунков.

— А как же Меринов, Бильжо?

— Бильжо — это не политический карикатуризм. Это бытовые жанровые сценки с Петровичем по поводу событий дня. Бильжо никогда всерьез не входил в категорию художников, которые определяли современное положение в карикатуре. Ну, Тюнин чуть-чуть рисует в «Коммерсанте». Есть еще Меринов. Еще — Куксо в «Новых Известиях» — это портретики, которые я считаю беззлобными. Карикатура прежде всего должна бастовать. Карикатура — это шип, который утром газета вонзает в читателя, и особенно больно он должен вонзиться в героя карикатуры. Вот тогда он елозит, вызывает карикатуриста в суд. Так происходит во всем мире. Это самый красивый судебный процесс, когда президент, премьер или министр судится с карикатуристом. Вот в Турции уже несколько лет художники сидят в тюрьмах за то, что они оскорбили премьер-министра. Де Голль постоянно судился со своими карикатуристами, пока, наконец, лет за восемь до своей кончины, не понял: намного интереснее не судиться с художниками, а их поощрять. Более того, стал собирать карикатуры. Представьте, Де Голль собрал самую большую коллекцию своих собственных карикатур. Более того, на свои собственные деньги и с помощью каких-то спонсоров он издал три совершенно потрясающие книги «Де Голль в карикатуре». Они до сих пор считаются библиографической редкостью. Это классика отношения президента и карикатуры.

— Ну, а тебе повезло? На тебя подавали в суд твои герои?

— Ни разу.

— Значит, жизнь прожита напрасно?

— Ценность жизни, прожитой жизни, не определяется: был перед судом или не был. Она определяется немножко другими понятиями и уж подавно не количеством премий, которые ты имеешь. Ты внутри согласен с самим собой.

Вот, например, Слава Сысоев — карикатурист нового времени, сознательно занимался политической карикатурой, широко выставлялся на Западе. Я очень уважаю его как художника. Он сознательно выбрал путь специального сопротивления властям. Его посадили — правда, не за политику (у нас же за нее не сажали!), а за порнографию. Он сделал на этом себе крупное имя. За него заступались международные организации, президент Франции... В 1989 Слава

уехал на Запад в цветах, с аплодисментами. Он сам специально работал на то, чтобы уехать, чтобы быть героем дня. Его там приняли, год возили по Европе, показывали, устраивали выставки. А потом деньги «Амнести интернейшнл», отпущенные на его поездку, кончились, и Слава оказался никому не нужен. Возвращаться сюда? Нет! У него цель была другая — осесть на Западе. Он влечет свое существование в Берлине, где получил бесплатную квартиру, сейчас издает свой собственный журнал. Этот журнал даже известен в каких-то кругах. Но как художника мне его очень жалко — он уже не существует. Зато был суд. Зато была красивая автобиография!..

Я в этом отношении очень изворотливый человек. Несколько раз дело у меня доходило до суда. Но судилась не конкретная личность, а государство. Мне удавалось побеждать на уровне следствия. Самый трудный год был 1982-й. Я постоянно ходил в Лефортово на следствие по своему собственному делу, знакомился со всеми документами. Мне хотелось как-нибудь вернуться к этому вопросу, вытребовать в КГБ и почитать огромные тома, чтобы узнать, кто на меня писал — из друзей.

— Что послужило поводом?

— Все! Участие в выставках там-то, там-то, там-то... Из своего собственного дела я выяснил, что являлся единственным участником на Биеннале «неприсоединившихся» в Венеции. Это знаменитое Биеннале проходило в 1977 году. Мне показали фотографии из его залов... не с моими рисунками. Но КГБ почему-то посчитало, что, хотя рисунки были анонимными, рисовал их я. Потом мне говорили, что мальчики из органов навели справки и в московском отделении союза художников им сказали: единственный человек, который мог бы участвовать в Венецианском Биеннале, — это Златковский!..

— Получается, чем хуже, тем лучше! В период застоя у карикатуристов был Ренессанс, а теперь, когда покончили с коммунизмом, жанр себя исчерпал?

— Нет, не жанр исчерпал себя. Себя исчерпали ангажированные средства массовой информации, хозяева которых запрягают трогать того или другого. И сейчас есть рисунки, которые нельзя напечатать. Это извечная драма звездного политического карикатуриста — никогда не быть всерьез напечатанным, никогда не быть востребованным — потому что любой социум разделен на ангажированные лагеря. Мне не очень хочется служить на кого-то.

Беседовал
Александр ШУПЛОВ
при участии
Дмитрия МОЖЕЙТОВА.

